

В. И. Иванов — Э. К. Меттнеру

Павия, 4 марта '32

Дорогой Эмилий Карлович,

За кого Вы меня почитаете? За какого мага и волшебника? Из того, что я написал в жизни несколько немецких рифмованных стихов и даже вольно переложил (вернее, пересказал) одну часть своей большой поэмы («Человек») в немецких белых стихах, Вы слишком смело — и лестно для меня — заключили, что мне ничего не стоит перевести на немецкий язык дивное стихотворение Боратынского, да еще и строже Тютчева. Нет, дорогой друг, не все равно — сказать свое или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно труднее оригинального творчества вообще, — а перевод на немецкий... Да вот Вам, вместо лишних слов, образец моего «перевода» собственных стихов. Оригинал:

Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы,
И, как под солнцами незримыми,
Навстречу им цветом из тьмы.

«Перевод»:

Gute Hirten, zu des Lebens Bronnen
Lenkt ihr uns, ihr ewigen Ziele, sacht!
Und den Strahlen unsichtbarer Sonnen
Blüht das Herz entgegen aus der Nacht.

За такой «перевод» наших классиков меня не поблагодарят. Вы видите в чем дело: я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллизую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям

этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик. Хорош был бы портретист, который вместо Вашего портрета — портрета Эмилия Меттнера — поднес бы Вам Ваше изображение в каком-нибудь бывшем или грядущем Вашем перевоплощении (ответственность за факт перевоплощения возлагаю всецело на близких Вашему сердцу антропософов!) — примерно в виде Парацельса или Аристоксена. Одним словом, благодарю Вас от дутой и за лестное обо мне мнение и за Ваше заманчивое, но превышающее мои силы предложение и прошу Вас сказать вместе с моим сердечным приветом, что в этом деле служить ему не могу. А вот мое предложение Вам вполне соответствовало бы Вашим возможностям: а именно, я прошу автора лучшей критической статьи о моей «Русской идее» не отказать мне и в критической статье на страницах *N. Z. Zeitung* моем «Достоевском» — сделайте это для меня, дорогой друг, со свойственною Вам глубиной и остротой философской мысли. Я знаю, что Достоевского Вы не очень-то любите; но моя конструкция и интерпретация должны Вас заинтересовать. Как я огорчен и встревожен Вашим темным намеком на нечто очень тяжелое, что Вам довелось пережить. Напишите два слова о своем личном и о Николае Карловиче с семьей. А об «Ахинее» — nous en reparlerons encore!

Обнимаю Вас заочно.

Вяч. Иванов.

Не знаю, о каком знакомом Нессельштрауса Вы говорите. Уж не о моем ли приятеле, редакторе «Corona», Dr. Herbart Steiner (Winkelweise 5), с которым я давно мечтаю Вас сблизить? Мне кажется, он Вам телефонила этой осенью.

Не знаю, где я говорю о *lyrische Haltuhg*? М<ожет> б<ыть>, «По звездам», Спорады — о лирике (стр. 349–356)?

